

RU

Специфика образов соловецких праведников и угнетателей
в произведении Б. Н. Ширяева «Неугасимая лампада»

Сотков В. А.

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию художественного своеобразия системы образов в книге одного из крупнейших прозаиков эмиграции второй волны Б. Н. Ширяева «Неугасимая лампада». Цель исследования – выявить специфику образов соловецких праведников и угнетателей в книге очерков. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые на основе детального анализа текста и научных интерпретаций раскрывается специфика воплощения типа героя-праведника в условиях экстремального бытия соловецкой каторги, а также рассматриваются художественные средства создания образов сотрудников лагеря как отражения тоталитарного зла. В результате нами было установлено, во-первых, что писатель создаёт полифоническую и глубоко символическую картину человеческого существования на грани жизни и смерти, где духовное сопротивление, основанное на христианских ценностях, противопоставлено моральной деградации и бесчеловечности системы насилия. Во-вторых, исследование позволяет утверждать, что центральной художественной антитезой произведения является противостояние неугасимой «лампады» духа, которую несут праведники, и «соловецкой власти» как воплощения тьмы и произвола.

EN

The specificity of the images of Solovki saints and oppressors
in B. N. Shiryayev's "The Unquenchable Lamp"

V. A. Sotkov

Abstract. This article is dedicated to a comprehensive study of the artistic originality of the system of images in "The Unquenchable Lamp" by B. N. Shiryayev, one of the most prominent prose writers of the "second wave" of emigration. The aim of the research is to identify the specificity of the images of Solovki righteous individuals and oppressors in this collection of essays. The scientific novelty of the study lies in the fact that, for the first time, based on a detailed analysis of the text and scholarly interpretations, it reveals the specificity of embodying the type of righteous hero in the extreme conditions of Solovki forced labor, and also examines the artistic means used to create the images of camp staff as a reflection of totalitarian evil. As a result, we established, firstly, that the writer creates a polyphonic and deeply symbolic picture of human existence on the brink of life and death, where spiritual resistance, based on Christian values, is contrasted with moral degradation and the inhumanity of the system of violence. Secondly, the research allows us to assert that the central artistic antithesis of the work is the confrontation between the unquenchable "lampada" of the spirit, carried by the righteous, and the "Solovki power" as an embodiment of darkness and arbitrary rule.

Введение

Творчество писателя второй волны русской эмиграции Бориса Николаевича Ширяева (1889-1959) долгое время оставалось на периферии литературоведческого внимания, что, по словам исследователей, связано с ограниченностью круга читателей и недоступностью его наследия (как известно, литература русского зарубежья стала возвращаться отечественному читателю лишь в постперестроечное время). А. В. Антошин отмечает, что многие исследователи считают вторую волну эмиграции бедной, менее яркой, но при этом в 1990-е их имена на родине прозвучали раньше, благодаря этому начал «формироваться образ второй волны эмиграции в общественном сознании» (2023, с. 766). Одними из первых были опубликованы произведения И. В. Елагина, Л. Д. Ржевского, Б. Н. Ширяева и других. Тема сталинских репрессий 1930-х годов стала центральной в творчестве многих представителей второй волны эмиграции. Их произведения, зачастую основанные на личном опыте лагерей ГУЛАГа, отличаются беспощадной откровенностью и глубокой эмоциональностью.

Автобиографическая книга очерков «Неугасимая лампада» Бориса Ширяева представляет собой уникальный синтез документальной хроники, философско-религиозной эссеистики и художественной прозы. Это произведение – свидетельство духовного сопротивления человека в условиях тоталитарного террора. В связи с этим актуальность настоящего исследования объясняется рядом причин. Во-первых, книга «Неугасимая лампада» обладает непреходящей исторической ценностью как одно из первых и наиболее ярких свидетельств о Соловецком лагере особого назначения (СЛОН), «основоположнике всех исправительно-трудовых лагерей» (Сковорода, 2023, с. 36). Во-вторых, её художественная значимость заключается в оригинальной образной системе, выстроенной вокруг центральной антитезы праведничества и угнетения, духа и бездуховности. Наконец, в современном литературоведении, которое, как отмечают исследователи, всё чаще обращается к осмыслению религиозно-нравственных аспектов художественного текста, произведение Ширяева представляет собой богатейший материал для анализа феномена праведничества.

В процессе исследования нами решались задачи, одна из которых заключалась в рассмотрении специфики феномена праведничества в художественном мире Бориса Ширяева, другая – в выявлении способов формирования главной идеи произведения о победе духа над насилием.

Материалом статьи послужила книга очерков о соловецкой каторге «Неугасимая лампада» (1925-1950, изд. 1954 г.).

При проведении исследования мы использовали следующие методы: метод целостного анализа художественного произведения, благодаря которому образная система «Неугасимой лампы» рассматривалась в единстве с сюжетно-тематическим и проблемным уровнями; сравнительно-исторический метод, который позволил нам соотносить литературный сюжет и исторический контекст эпохи.

Теоретическую базу нашей статьи составляют работы, рассматривающие феномен русской эмиграции второй волны, выявляющие важнейшие тенденции её литературного процесса (Агеносов, 1996; 2017; Антошин, 2023; Лейкинд, Северюхин, 2014; Попов, 2004; Синкевич, 2012), труды отечественных исследователей, посвященные теме праведничества в русской литературе (Горелов, 1988; Двоглазов, 2015; Хализев, 1997), творчеству Б. Ширяева (Захарова, 2015; Сковорода, 2023; Трубицына, 2011).

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов при чтении вузовских курсов по истории русской литературы, а также в специальных учебных модулях, рассматривающих литературу эмиграции второй волны, религиозно-нравственные искания и образ праведника в отечественной прозе.

Обсуждение и результаты

Понятие «праведничество» занимает особое место в русской литературной традиции. Как мы уже отмечали ранее, анализируя концепцию праведничества в современном литературоведении, ученые, характеризуют это явление, приводят свои определения: «одинокое антики» (М. Дунаев), «мудрый старец» (А. Большакова), «герой высоконравственной культуры», «чудак» (Е. Терновская), «простец, живущий и решающий свои проблемы по наитию» (Н. Лукьянчикова), «евангельские люди» (Е. Порошенков), «положительный герой, сориентированный на идеальный образ» (Г. Косых), «достойные персонажи» (Д. Рыкова) (Гудкова, Сотков, 2017, с. 9). При этом каждое определение наполняется разным смыслом, в частности, А. А. Горелов (1988, с. 234) связывает «праведника» с фактическим обретением литературными героями «правды», понимаемой как истина жизни не только им самим, но и писателем. Наиболее цельной концепцией В. А. Сотков и С. П. Гудкова считают идею В. Е. Хализева, который выделяет два основных типа положительных героев: «героев времени» (рефлексирующих, мятущихся, таких как Чацкий, Печорин, Раскольников) и «праведников». Последних он, в свою очередь, подразделяет на два сверхтипа: собственно религиозных, близких к святости, и «житийно-идиллических», воплощающих народный нравственный идеал в повседневной, бытовой жизни (Гудкова, Сотков, 2017, с. 9).

«Житийно-идиллический» тип, наиболее подходящий для многих персонажей Ширяева, характеризуется безыскусственностью, отсутствием метаний и напряжённых поисков, жертвенностью, верностью христианским заповедям в быту и способностью к «ровному нравственному усилию». Такие герои, по Хализеву, «чужды каким-либо житейским метаниям и духовным смятениям... При всей своей “неидеальности”, а порой и ограниченности эти люди, имеющие твердый нравственный ориентир, верны себе на своем месте...» (1997, с. 111). Эта классификация вполне применима к творчеству Б. Ширяева, который, однако, переносит своих праведников из сферы «идиллического» быта в экстремальные, небытовые условия лагерного ада. Их «ровное нравственное усилие» совершается не в мире и покое, а под дулом карабина, что превращает каждый их поступок в подвиг. Н. С. Лесков в заметке «О героях и праведниках» пишет, что «прожить изо дня в день праведно долгую жизнь, не солгав, не обманув, не огорчив ближнего» – это наивысший подвиг (Сотков, 2025, с. 3799). Для Б. Ширяева ежедневное, непрекращающееся стояние в вере, доброте и человеческом достоинстве перед лицом систематического, тотального зла становится главным предметом художественного исследования. Четвертая часть носит название «Сих дней праведники» и посвящена тем, чья святость рождается не в монастырском уединении, а в кромешном аду лагеря.

Б. Ширяев создаёт в своей книге не галерею портретов, а живой, многоголосый «хор» «праведников сих дней», представителей разных сословий (духовенство, аристократия, простой народ), сохранивших человеческий облик и христианские добродетели. Их многообразие создаёт эффект всеобщности духовного сопротивления.

Образ архиепископа Илариона, выдающегося богослова и исповедника, раскрывается Шириевым в глубоком библейском, агиографическом и историко-литературном контексте, он является праведником от церкви. Автор сразу вводит его в систему христианской символики, называя «одним из таких новых, но столь же несокрушимых как прежние, камней соловецкой обители Духа» (Шириев, 1954, с. 137). Этот образ-символ задаёт ключевую характеристику: несокрушимость, твёрдость в вере.

Писатель использует приём сочетания реального и легендарного. Он приводит сказание о том, как владыка Иларион встречался с представителями Папы Римского, желавшего унии двух церквей, обещавшего спасение духовенству, заключенному на Соловках, но Иларион отказался от тиары, предложенной папской делегацией, предпочтя терновый венец соловецкого мученичества. Хотя автор отмечает историческую недостоверность этого события, он подчёркивает его внутреннюю, народную правду: Иларион был самым подходящим лицом для воплощения идеи духовной стойкости православия. М. Ю. Трубицына (2011, с. 121) проводит литературную параллель с житием Александра Невского, также отвергшим предложения Рима, что подчёркивает мысль о соборности и преемственности подвига в истории Церкви.

Владыка Иларион у Шириева – не только страдалец, но и деятельный пастырь, продолжающий своё служение в неволе. По его ходатайству духовенство было сосредоточено в одной роте, что облегчило их быт. Кульминационным становится эпизод чудесного спасения во время охоты на белого тюленя из плена шуги, когда Белое море покрыто тонким слоем идущего льда. Примечательна в этом плане фраза монаха, видящего бедствие: «Пропадут ведь душеньки их, пропадут» (Шириев, 1954, с. 139). Автор этой фразой показывает не только возможную физическую гибель надзирателей, но и их духовное падение. Иларион спасает не тело, а душу закоренелого атеиста и убийцы военкома Петра Сухова, он дает каждому надежду на искупление грехов: «Вдруг, неожиданно для меня, Сухов сдернул буденовку, остановился и торопливо, размашисто перекрестился.

– Ты смотри... чтоб никому ни слова... А то в карцере сгною! День-то какой сегодня, знаешь? Суббота... Страстная...

В наползавших белесых соловецких сумерках смутно бледнел лик Распятого Христа, русского, сермяжного, в рабском виде и исходившего землю Свою и здесь, на ее полуночной окраине, расстрелянного поклонившимся Ему теперь убийцей...» (Шириев, 1954, с. 140). Таким образом, образ Илариона становится не только символом личного подвижничества, но и точкой, в которой сходятся исторические судьбы России, её крестный путь и надежда на спасение.

Отец Никодим («Утешительный поп») олицетворяет собою деятельную, жертвенную, почти материнскую христианскую любовь и простоту. Знакомство с ним становится для автора-рассказчика одним из важнейших духовных впечатлений, он становится частью «Прихода отца Никодима» (название 21 главы), который в казарме, где «все на одно лицо. Вернее, совсем без лиц» (Шириев, 1954, с. 104), дарит надежду людям, рассказывая притчу о блудном сыне: «Везде побывал; сквозь огонь, воду и медные трубы прошел; в какой только грязи не валялся, а из этого смрада восстал и ко мне опять возвратился! К отцу своему! Как из мертвых воскрес. В том и радость великая...» (Шириев, 1954, с. 104). Он находит слова для сомневающихся, павших духом заключенных: «Да где она, эта обыкновенная радость? – ошетинился я. – Где? Вонь одна, грязь, кровь с дерьмом перемешана – вот и все, что мы видим. Кроме ничего! И вся жизнь такая» (Шириев, 1954, с. 106). Батюшка приводит в пример женщину, родившую больного ребенка. Люди ей предрекают муки, страдания из-за его немощи, а для нее «оказывается самый первый бриллиант. Она его паче всех здоровых жалоствует и от него ей душе умирание. Вот и радость» (Шириев, 1954, с. 106). Уже в этом проявляется его суть – нести утешение.

Даже будучи низведенным системой до статуса «номера», «пустоты», он яростно отстаивает своё духовное достоинство: «Был я поп, поп и есть!» (Шириев, 1954, с. 106). Его праведничество – это каждодневный, сопряжённый с огромным риском подвиг милосердия. Он тайно отпевает расстрелянных, пробирается к умирающим в лазарет, несёт утешение в карцер. Шириев с восхищением пишет о его неутомимой деятельности: «Его таскали под видом плотника в театр к покаявшимся женщинам. Шпана ухитрялась протаскивать его через окно в лазарет к умирающим, что было очень трудно и рискованно» (1954, с. 129). Сила отца Никодима – в его безотказной любви, которая зажигала пламенем веры очерстевшие сердца и загоралась надеждой в опустошённых душах.

Праведничество, жертвенность не зависят от социального происхождения и внешних обстоятельств. По мнению прозаика, баронесса была виновна лишь в том, что родилась в аристократической семье, носила известную фамилию, которая скрыта от читателя, а также была фрейлиной трех императриц. Б. Шириев подчёркивает, что, став «каторжницей, она признала себя ею и приняла свою участь, неизбежность, как крест, который надо нести без ропота, без жалоб и жалости к себе, без сетования и слез, не оглядываясь назад» (1954, с. 121). В её поведении автор видит подлинный христианский стоицизм.

Главной силой её воздействия на окружающих, включая воровок и проституток, были «простота и полное отсутствие дидактики ее слов и действия» (Шириев, 1954, с. 122). Она не учила, а жила, и эта жизнь становилась примером. Она каждый вечер тихо молилась перед маленьким образом, не обращая внимания на упреки сокамерницы Соньки Глазок, для которой она станет примером христианской жертвенности, которая вслед за шестидесятилетней баронессой отправиться работать санитаркой в тифозный барак и, как и её невольная наставница, погибнет там. Автор отрицает самоотверженный порыв как основную причину поступка фрейлины, он считает это «следствием глубокой внутренней культуры, воспринятой не только с молоком матери, но унаследованной от ряда предшествовавших поколений» (Шириев, 1954, с. 123). Кульминацией истории становится сцена диалога коммунистки М. В. Фельдман и баронессы: «Они стояли друг против друга. Аристократка

и коммунистка. Девственница и страстная, нераскаянная Магдалина. Верующая в Него и атеистка. Женщины двух миров» (Ширяев, 1954, с. 123). Объединяла их глубокая вера, которую фрейлина пронесла через всю жизнь, а начальница санитарной части пыталась запечатать глубоко внутри, но вера проявилась желанием осенить шестидесятилетнюю старуху крестным знаменем. Борис Ширяев завершает этот сюжетный эпизод надеждой на светлую загробную жизнь, прощение грехов, встречу душ Соньки Глазок и баронессы перед Престолом Господним. Праведная жизнь фрейлины породила цепную реакцию добра и самопожертвования.

Соловецкий схимник. Этот легендарный, почти мифический образ проходит через всю книгу лейтмотивом, становясь её духовным и композиционным стержнем. Последний монах, оставшийся в своей землянке после разгона монастыря, воплощает собой саму идею «Неугасимой лампы» – веры, теплящейся даже в кромешной тьме. Исследователь А. Ильинская отмечает: «Тема последнего соловецкого схимника проходит через всю ширяевскую книгу... Единственный оставшийся в аду молитвенник и его Неугасимая Лампа становятся для гибнущих людей символом Святой Руси...» (1991, с. 78).

Личная встреча автора со схимником – центральный момент его духовного прозрения. Заглянув в землянку, он видит молящегося старца и «неугасимую лампу». Он не смеет войти, но до рассвета стоит снаружи, «не в силах уйти, оторваться от бледных лучей неугасимой лампы пред ликом Спаса...» (Ширяев, 1954, с. 56). Этот свет становится для него зримым доказательством реальности иного, духовного мира, побеждающего лагерную тьму: «Когда присмотрелся, вижу гроб на скамье, а перед лампадой – образ. Лица не разбираю, но знаю, что Спас! Другого не может быть. Вспыхнет лампадка – блеснет, прояснится, качнет ветер – снова тьма... А у самого схимника я сперва только бороду увидел. Длинная, седая... вверх и вниз ходит...» (Ширяев, 1954, с. 150). Смерть старца взволновала каторжников, его тихий уход во время молитвы расценивается ими как великий дар: «Сладостно это, утешно, и честь старцу великая, значит, венец райский заслужил...» (Ширяев, 1954, с. 152). Один из каторжан интересуется нетленностью тела старца, на что получает ответ: «Нет, будто духом не отдает... Да и откуда духу в нем взяться? Высох он, как лист, подвижник наш... По своей святой жизни» (Ширяев, 1954, с. 152). Автор этим эпизодом говорит о нетленности как чуде, первом признаке святости. А лампада, продолжающая гореть в келье, олицетворяет собой вечную жизнь.

Особое внимание следует обратить на историю, рассказанную Борисом Глубоковским, представителем московской богемы, артистом Камерного театра, журналистом и беллетристом, о встрече схимника с начальником Соловецкого лагеря Ногтевым, которого рассказчик описывает как «форменную зверюгу». Ему подчиненные рассказали, что на острове в ските живет последний монах, которого пьяный Ногтев назвал святым. С уголовником Блохой он приехал к келье и выбил дверь ногой:

«– Святой опиум! Разговеться пора! Отменили твоего Бога! Наливает стакан и подает схимнику, а тот с колен поднялся и, ни слова не говоря, земной поклон Ногтеву... как покойнику... потом опять к аналою стал. Блоха говорил, что тут Ногтев “с лица спал, перекарежило его”. Представляешь? Говорит: “Выходит, как с марафета задуренный, в двери повернулся: Душу мою, отец, помяни...”» (Ширяев, 1954, с. 149). Этот эпизод почти в точности повторяется в произведении И. С. Шмелева «Блаженные», где главный герой, блаженный Миша, вошел на свадьбу, и нетрезвые люди стали смеяться над ним, вылили на него миску лапши, а он прочитал молитву «отче, отпусти им, не ведают бо, что вторят» и заплакал. Отъявленный убийца Забыкин вытер лицо юноши, попросил его молиться за окаянных, потому что они Бога забыли. Самое главное, он разрешил Мише проповедовать учение Христа (Сотков, 2025, с. 3801). Е. А. Щепалина в своей статье замечает, что «блаженный, живущий в духе радования и благодарения, хотя и остается непонятым большинством окружающих, своим свидетельством удерживает мир от погружения в хаос греха» (2021, с. 23).

Противоположность праведникам составляют образы сотрудников Соловецкого лагеря особого назначения. Ширяев не просто изображает отдельных злодеев; он создаёт художественную модель «соловецкой власти» как системы, основанной на произволе, насилии и полной дегуманизации.

В центре этой галереи – начальник лагеря Ногтев, заявляющий, что «у нас здесь власть не советская (пауза, в рядах – изумление), а соловецкая» (Ширяев, 1954, с. 12). Ширяев использует мастерский приём выразительной портретной детали, которая становится мощным символом. Мы не видим лица Ногтева при первой встрече, автор акцентирует внимание на волосатой красной руке «с толстым указательным пальцем, лежащим на спуске» (Ширяев, 1954, с. 13). Эта анонимная, гипертрофированная, почти отделённая от тела рука, лежащая на спусковом крючке карабина, олицетворяет собой безликую, садистскую машину власти, заставляющую людей идти и надеяться, что спусковой крючок не будет нажат. Е. В. Сковорода в своем исследовании обращает внимание на «говорящую» фамилию Ногтев: восходя к слову «ноготь», она прямо указывает на суть его деятельности. Еще на службе у чекиста Саенко он практиковал пытки, забивая гвозди под ногти, о чем позднее с ужасом вспоминал в ночных кошмарах. На Соловках, «прижимая к ногтю» заключенных самодурством и слепым исполнением закона, он лишь продолжал свою жестокую работу. Даже пьянство не могло избавить его от мучительных воспоминаний о собственных злодеяниях, давая лишь временную передышку (Сковорода, 2023, с. 36).

Поведение Ногтева (самочинные расстрелы новоприбывших для устрашения) является не просто проявлением личной жестокости, а продуманной технологией подавления воли, внедрения ужаса и чувства безысходности. Ногтев поступал так с каждой партией: убивал одного-двух человек и не по злости, как указывает автор, а с целью нагнать страх на новоприбывших, внедрить в их сознание ужас, чувство безысходности, сковать волю и пресечь в корне попытки протеста, установить полное автоматическое подчинение «закону соловецкому» (Ширяев, 1954, с. 12). Ногтев совершает самый страшный грех – убийство. Есть основания полагать, что он осознает ужас своих поступков, не случайно он обращается к старцу с просьбой помолиться за него.

Васьков, заместитель Ногтева, «человек-горилла, без лба и шеи, с огромной, давно небритой тяжелой нижней челюстью и отвисшей губой. Эта горилла жирна, жирна, как боров. Красные, лоснящиеся щеки подпирают заплывшие, подслеповатые глаза и свисают на воротник» (Ширяев, 1954, с. 12). Он символизирует весь ужас системы лагерей, уродливых и беспощадных. При этом в разговоре автора с актером Кондратьевым находится объяснение их поведению:

«Ведь все мы – калеки и убогие... Вся Русь.

– И Ногтев, и Васьков?

– И они! Может быть, еще сильнее нас покалечены» (Ширяев, 1954, с. 134).

Однако в очерках представлены и сотрудники иного склада – интеллигентные, как сменивший Ногтева Эйхманс, который проявил гибкость, поддерживая инициативу заключённых и позволяя многим из них, от егеря до бразильского консула, заниматься полезным трудом. Автор отмечает отдельные положительные качества и у других надзирателей. Начальник воспитательной части Неверов описан как мягкий по характеру жизненный неудачник. Редактор лагерной газеты, гвардии капитан Перяев, – как всегда тактичный, отзывчивый и готовый помочь, даже рискуя собственным положением.

Нравственные проблески проявляются и в простых исполнителях. Грузин-нарядник, заметив в мороз разорванную обувь у заключённого по кличке Цыган, под благовидным предлогом отправляет его греться в тёплый подвал. А старый охранник-еврей Шапиро, застав тайное рождественское богослужение с ёлкой и свечами, не только не доложил начальству (что грозило бы всем суровейшим наказанием), но и по-детски обрадовался празднику, принеся на общую трапезу собственноручно приготовленную рыбу, взяв с присутствующих обет молчания.

Противоречивым выступает яркий образ каторжника-поляка Отена, инженера-металлурга, который на Соловках заведует чугунно-литейной мастерской и имеет явный авторитет и уважение среди охранников. Он, в отличие от всех остальных, ведет нарочито праведнический образ жизни: «...тайно говел по несколько раз в году и фанатично выполнял посты и епитимьи, которые, вероятно, сам на себя накладывал» (Ширяев, 1954, с. 141). Он аккуратен, приятен в общении, вдохновляется светскими беседами о темах духовной жизни России, любит классическую музыку. Борис Ширяев указывает читателю на то, что Отен не тот, кем кажется: «...он давил на себя извне, словно борясь, преодолевая и истязая какую-то иную, угнездившуюся в нем, но чуждую ему личность» (1954, с. 141). В один из зимних вечеров во время прослушивания музыки и живой дискуссии Отен срочно удалился, попросив у театрального плотника Голикова ключи от его подсобки, чтобы взять один нужный инструмент. Через 1,5 часа Отен вернулся и снова вступил в живой спор, касающийся разбора заупокойной литургии Иоанна Дамаскина, строителя Валаамской обители. Борис Глубоковский рассказывает главному герою, что Отена позвали убить другого каторжника Тельнова. Глубоковский не удивляется этой ситуации, отмечая гуманность убийства – пулей в затылок, он не удивляется тому, что Отен с легкостью согласился, он не удивляется тому, что Отен взял из мастерской Голикова клещи и ими выдернул у еще теплого Тельнова золотые зубы. «Самое страшное» (название 28 главы) в том, что «не ханжил он ни секунды, а, действительно, понимаешь, действительно чувствовал Дамаскина и в высь духом своим возносился превыше всех нас! С зубами-то в кармане!..» (Ширяев, 1954, с. 145). По мнению Глубоковского, Раскольников совершил не грех, а игру в грех. Он не забрал у процентщицы деньги и т. д. «Вот если бы он медленно, методично, с оглядкой все комоды у нее пересмотрел, нашел бы заветную укладку, просчитал бы деньги раз, другой, третий, на свет кредитки проверил... а оттуда прямо ко всенощной и молился бы от души, умилялся бы, духом бы, как Отен, возносился, из старухиных денег за рупь свечку бы поставил... Богородице... Вот когда бы я испугался» (Ширяев, 1954, с. 145). Отен – абсолютное зло, не имеющее права на искупление.

Очевидно, что сложная и разветвленная система образов праведников и угнетателей становится важнейшим способом формирования главной идеи произведения о победе духа над насилием.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы о художественном своеобразии и идейной функции системы образов в «Неугасимой лампаде» Б. Н. Ширяева.

Соловецкий лагерь в изображении Ширяева становится не просто местом действия, но экзистенциальным полигоном, универсальной моделью тоталитарного мира, где с предельной, обнажённой ясностью проявляется глубинная суть человека, его выбор между духом и плотью, свободой и рабством, добром и злом.

С одной стороны, писатель создаёт многоликий, но внутренне единый образ соловецкого праведничества. Его герои – это люди, которые, несмотря на нечеловеческие условия систематических пыток, голода, унижений и смерти, сумели сохранить связь с вечными христианскими ценностями: верой, надеждой, любовью, жертвенностью, человеческим достоинством. Праведники у Ширяева – это чаще «житийно-идиллические» типы (по Хализеву), перенёсшие свой нравственный уклад, свою «неугасимую лампаду» духа в ад лагеря. Их сила – не в открытом противостоянии (оно невозможно), а в смиренном и одновременно стоическом принятии своего креста, в ежедневном, незаметном подвиге милосердия, в непоколебимой вере, которая превращает физическое страдание в духовную победу. Они сохраняют доброту, достоинство и способность к самопожертвованию, становясь точками света, центрами духовного притяжения и сопротивления для других узников. Их образы выписаны с использованием богатого библейского и агиографического подтекста, христианской символики (камень, свет, лампада), что возводит их личные судьбы до уровня общечеловеческого и национального символа.

С другой стороны, Ширияев с беспощадным психологическим и художественным реализмом изображает тех, кто полностью утратил человеческий облик, став проводником или орудием системы тотального зла. Образы угнетателей, от садиста Ногтева до рядовых охранников, демонстрируют процесс глубокой моральной деградации, когда абсолютная власть и безнаказанность развязывают самые низменные инстинкты. Художественными средствами их создания становятся отчуждающие детали (рука вместо лица), говорящие фамилии, подчёркивание животного, неконтролируемого начала (пьянство). Их «соловецкая власть» – это власть страха, насилия, полного отрицания ценности человеческой жизни и духа. Они – персонификация тьмы, которую не может победить физически, но может победить духовно свет «лампады».

Таким образом, художественное своеобразие и главная сила книги Ширияева заключаются в создании мощной, многоуровневой антитезы, где духовное сопротивление, воплощённое в образах праведников, противостояло тотальному материалистическому насилию системы, воплощённому в её служителях. Эта антитеза раскрывает центральную идею произведения, выраженную уже в эпиграфе-посвящении художнику М. В. Нестерову и его словам: «Не бойтесь Соловков. Там Христос близко». «Неугасимая лампада» утверждает, что даже в аду земном, созданном человеком, «лампада» веры, надежды и любви может не угаснуть, а страдание, осмысленное и пережитое в контексте христианской традиции, способно преобразиться в подвиг, утверждающий окончательную победу вечного духа над временным торжеством тьмы и насилия. Книга завершается гимном этой победе: «Стены родили звоны. Страдание – подвиг. Временное сменилось вечным» (Ширияев, 1954, с. 176).

Перспективой дальнейшего исследования может стать изучение праведничества и «соловецкой» темы в творчестве других творцов русского зарубежья второй волны, например Л. Ржевского, Н. Нарокова, Б. Кленовского, И. Елагина.

Материалы исследования | Research materials

1. Ширияев Б. Неугасимая лампада. М.: Никея, 1954.

Источники | References

1. Агеносов В. В. К проблеме состава авторов послевоенной литературы русского зарубежья // Проблема изгнания: русский и американский контексты: сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Ярославль, 02-03 ноября 2016 года). Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2017.
2. Агеносов В. В. Литература «второй волны» русской эмиграции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение. 1996. № 4.
3. Антошин А. В. О них не любят вспоминать: вторая волна эмиграции из СССР в отечественных исследованиях второго десятилетия XXI в. // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 3.
4. Горелов А. А. «Праведники» как категория народной этической оценки и «праведнический» цикл произведений // Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. Л.: Наука, 1988.
5. Гудкова С. П., Сотков В. А. Феномен праведничества в осмыслении отечественного литературоведения и критики // Дневник науки. 2017. № 8 (8).
6. Двоглазов В. В. Категория «праведничества» в русской литературе первой половины XIX века: автореф. дисс. ... к. филол. н. Киров, 2015.
7. Захарова В. Т. Лейтмотивная основа повести Б. Н. Ширияева «Неугасимая лампада» // Пушкинские чтения – 2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XX международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, 06-07 июня 2015 года) / под общ. ред. В. Н. Скворцова; отв. ред. Т. В. Мальцева. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015.
8. Ильинская А. Соловки. Документальная повесть о новомучениках // Литературная учеба. 1991. № 2.
9. Лейкинд О. Л., Северюхин Д. Я. Вторая волна русской художественной эмиграции // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. 2014. № 5 (34).
10. Попов А. В. Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР и «вторая волна» эмиграции // Новый исторический вестник. 2004. № 1 (10).
11. Синкевич В. А. Вторая волна русской эмиграции: взгляд изнутри // Этнодиалоги. 2012. № 3 (40).
12. Скворода Е. В. Образы сотрудников Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОНА) в книге очерков Бориса Ширияева «Неугасимая лампада» // Вестник филологических наук. 2023. Т. 3. № 6.
13. Сотков В. А. Образы юродивых праведников в художественном мире И. С. Шмелева («Богомолье», «Куликово поле», «Блаженные») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 9. <https://doi.org/10.30853/phil20250523>
14. Трубицына М. Ю. Образ священикомученика Илариона (Троицкого) в книге «Неугасимая лампада» Б. Н. Ширияева // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. № 4. Т. 3.
15. Хализев В. Е. «Герои времени» и праведничество в освещении русских писателей XIX в. // Русская литература XIX века и христианство / под общ. ред. В. И. Кулешова. М.: МГУ, 1997.
16. Щепалина Е. А. Юродство Христа ради как особый подвиг в художественном мире С. Н. Дурылина // Поволжский вестник науки. 2021. № 2 (20).

Информация об авторах | Author information

Сотков Виктор Александрович¹, к. филол. н.
¹ Московский городской педагогический университет

Viktor Aleksandrovich Sotkov¹, PhD
¹ Moscow City University

¹ sotkov_va@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 23.12.2025; опубликовано online (published online): 06.02.2026.

Ключевые слова (keywords): литература эмиграции второй волны; творчество Б. Н. Ширяева; книга очерков; феномен праведничества; образы соловецкой каторги; emigration literature of the “second wave”; B. N. Shiryayev’s works; essay collection; phenomenon of righteousness; images of Solovki forced labor.